

Справедливость и нравственность

*Публичная лекция, прочитанная в Анкотском братстве
и в Лондонском этическом обществе*

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

Издавая настоящую брошюру П. А. Кропоткина «Справедливость и нравственность», редакционная комиссия считает необходимым сказать по этому поводу несколько слов.

Как видно из предисловия к этой брошюре самого Петра Алексеевича, она представляет собою публичную лекцию, прочитанную Петром Алексеевичем первоначально в Манчестере в Анкотском братстве (в 1888 году или в 1889 году), а затем повторенную им с небольшими добавлениями в Лондонском этическом обществе.

Эта лекция и изложенные в ней идеи являются как бы отправным пунктом всей дальнейшей работы Петра Алексеевича в области этики. С тех пор как была прочитана эта лекция, Петр Алексеевич, наряду с другими своими работами, занимался также и разработкой вопросов нравственности, и на эту тему еще в период 1904–1905 годов им было написано по-английски два очерка: «The Ethical Need of the Present Day» («Современная потребность в этике») и «The Morality of Nature» («Нравственность в природе»). Оба этих очерка были напечатаны в английском научном ежемесячном журнале «Nineteenth Century» (в номерах за август 1904 года и за март 1905 года).

Состояние здоровья, разные другие неотложные работы, а затем разразившаяся мировая война и события русской революции отвлекли Петра Алексеевича от усиленных занятий вопросами нравственности, и только после того, как П. А. поселился летом 1918 года в городе Дмитрове, он снова решил отдать всецело разработке своей теории о происхождении нравственности, ее развитии и значении в жизни человечества.

Разбирая свои материалы по этому вопросу и найдя среди них конспекты Анкотской лекции и текст лекции, прочитанной им в Лондонском этическом обществе, П. А. решил обработать их для печати и издать эту лекцию в виде отдельной брошюры предварительно до опубликования своего большого труда по этой этике. С этой целью он перевел лекцию с английского языка на русский и написал к ней небольшое предисловие, помеченное «Дмитров. Январь 1920 г.».

Работая весь 1920 года главным образом над «Этикой», П. А. в конце 1920 года, т. е. за несколько месяцев до своей кончины, решил еще раз сделать попытку издать «Справедливость и нравственность» и с этой целью снова прочитал рукопись, внес в нее кое-какие поправки и на обложке рукописи сделал пометку «в печать» и «окончательно пересмотрел 12–15 декабря 1920 г.».

Таким образом, эта брошюра окончательно подготовлена к печати самим Петром Алексеевичем, и редакционная комиссия сочла своим нравственным долгом безотлагательно выполнить волю покойного П. А. и познакомить русских читателей с этим произведением великого революционера и гуманиста, тем более что ввиду крайне неблагоприятных условий для издательства в настоящий момент вряд ли скоро удастся

выпустить в свет первый том последнего большого труда П. А. «Нравственность, ее происхождение и развитие», где П. А. подробно излагает и обосновывает свою теорию этики, главные элементы которой он сжато и популярно изложил уже в своей лекции «Справедливость и нравственность».

*Редакционная комиссия
Дмитров, 1 сентября 1921*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Лекция «Справедливость и нравственность» была впервые прочитана мною в Анкотском братстве в Манчестере, перед аудиторией, состоявшей большей частью из рабочих, а также из небольшого числа людей, принимавших участие в рабочем движении. В этом братстве каждый год во время зимы читались по воскресеньям содержательные лекции; так что, держась общедоступного изложения, перед этими слушателями можно было разбирать самые серьезные вопросы.

Когда именно я читал эту лекцию, я не могу в точности определить. Знаю только, что это было вскоре после того, как известный дарвинист профессор Гексли — главный распространитель мыслей Дарвина в Англии — прочел, в начале 1888 года, в Оксфордском университете лекцию, удивившую всех его друзей, так как он доказывал в ней, в противоположность Дарвину, что нравственность в человеке не может иметь естественного происхождения, что природа учит человека только злу.

Лекция Гексли, напечатанная в журнале «Nineteenth Century» в февральском номере 1888 года и вскоре затем появившаяся брошюрой, вызвала всеобщее удивление, и произведенное ею впечатление еще

не улеглось, когда я готовил свою лекцию о природном происхождении нравственности.

Года два или три спустя я прочел ту же лекцию в Лондонском этическом обществе, слегка дополнив ее в той части, где я говорил о справедливости.

Так как у меня сохранились написанные по-английски подробные конспекты, а частями и самый текст анкотской лекции, а также и дополнения к ней для Этического общества, то я написал ее по-русски и теперь издаю этот текст. За последние тридцать лет я все время, хотя и с перерывами, возвращался к учениям о нравственности и теперь мог бы смело развить некоторые из высказанных здесь взглядов, но я решил сохранить лекцию в том виде, как она была приготовлена для анкотской аудитории, и только дополнил ее тем, что было написано для лекции в Этическом обществе.

*П. К.
Дмитров
Январь 1920*

Друзья и товарищи!

Взявши предметом нашей беседы Справедливость и Нравственность, я, конечно, не имел в виду прочесть вам нравственную проповедь. Моя цель — совершенно иная. Мне хотелось бы разобрать перед вами, как начинают понимать теперь происхождение нравственных понятий в человечестве, их истинные основы, их постепенный рост, и указать, что может содействовать их дальнейшему развитию.

Такой разбор особенно нужен теперь. Вы, наверное, сами чувствуете, что мы переживаем время, когда требуется что-то новое в устройстве общественных отношений. Быстрое развитие, умственное и промышленное, совершившееся за последние годы среди передовых народов, делает разрешение важных социальных вопросов неотложным. Чувствуется потребность в перестройке жизни на новых, более справедливых началах. А если в обществе назревает такая потребность, то можно принять за правило, что неизбежно придется пересмотреть также и основные понятия нравственности.

Иначе быть не может, так как общественный строй, существующий в данное время, — его учреждения, его нравы и обычаи — поддерживают в обществе свой собственный склад нравственности. И всякое существ-

венное изменение в отношениях между различными слоями общества ведет за собою соответствующее изменение в ходячих нравственных понятиях.

Присмотритесь, в самом деле, к жизни народов, стоящих на различных ступенях развития. Возьмите, например, теперешних кочевых народов: монголов, тунгусов и тех, кого мы называем дикарями. У них считалось бы постыдным зарезать барана и есть его мясо, не пригласивши всех обитателей поселка принять участие в трапезе. Я знаю это по личному опыту, вынесенному из странствований по глухим местам Сибири, в Саянском хребте. Или возьмите самых бедных дикарей Южной Африки, готтентотов. Не так давно у них считалось преступным, если кто-нибудь из них начал бы есть свою пищу в лесу, громко не прокричавши трижды: «Нет ли кого, желающего разделить со мною трапезу!» Даже среди самых низко стоящих дикарей Патагонии Дарвина поразила та же черта: малейший кусок пищи, который он давал одному из них, сейчас же распределялся поровну между всеми присутствовавшими. Мало того, во всей Северной и Средней Азии, среди кочевников в силу их обычаев, почитаемых как закон, — если бы кто-нибудь отказал путешественнику в убежище и путник после этого погиб от холода или голода, то род умершего имел бы право преследовать отказавшего в убежище как убийцу и требовать от него или от его рода пенью («виру»), установленную обычаем за убийство.

Такие и другие понятия о нравственном сложились при родовом строе жизни. У нас же эти обычаи исчезли, с тех пор как мы стали жить государствами. В наших городах и селах урядник или полицейский обязан позаботиться о бездомном страннике и свести его в участок, в острог или в рабочий дом, если он рискует

замерзнуть на улице. Любой из нас может, конечно, приютить прохожего: это не воспрещается, но никто не считает себя обязанным это сделать. И если в глухую зимнюю ночь бездомный прохожий умрет от голода и холода на одной из улиц Анкотса, никому из его родственников не придет в голову преследовать вас за убийство. Мало того, у прохожего может даже не оказаться родственников — чего при родовом быте не может случиться, так как весь род составляет его семью.

Заметьте, что я не делаю здесь сравнения между преимуществами родового быта и государственного. Я только хочу показать, как нравственные понятия людей меняются, смотря по общественному строю, среди которого они живут. Общественный строй данного народа в данное время и его нравственность тесно связаны между собою.

Вот почему всякий раз, когда в обществе чувствуется необходимость перестроить существующие отношения между людьми, неизбежно начинается также оживленное обсуждение нравственных вопросов. И в самом деле, было бы крайне легкомысленно говорить о перестройке общественного строя, не задумываясь вместе с тем над пересмотром ходячих нравственных понятий.

В сущности, в основе всех наших рассуждений о политических и хозяйственных вопросах лежали вопросы нравственные. Возьмите, например, ученого-экономиста, рассуждающего о коммунизме. «В коммунистическом обществе, — говорит он, — никто не будет работать, потому что никто не будет чувствовать над собой угрозы голода». — «Почему же нет? — отвечает коммунист, — разве люди не поймут, что наступит общий голод, если они перестанут работать?»

Все будет зависеть от того, какой коммунизм будут вводить». Посмотрите, в самом деле, сколько городского коммунизма уже введено в жизни городов Европы и Соединенных Штатов в виде мощения и освещения улиц, трамваев, городских училищ и т. д.

Вы видите, стало быть, как вопрос чисто хозяйственный сводится к суждениям о нравственной природе человека. Спрашивается, способен ли человек жить в коммунистическом строе? Из области хозяйства вопрос переносится в область нравственную.

Или возьмите двух политических деятелей, рассуждающих о каком-нибудь новшестве в общественной жизни, например об учении анархистов или хотя бы даже о переходе к конституционному правлению в самодержавном государстве.

«Помилуйте, — говорит защитник установленной власти, — все начнут разбойничать, если не будет сильной руки, чтобы надеть на них узду». — «Так что, и вы, должен я заключить, — отвечает ему другой, — тоже стали бы разбойником, если бы не боязнь тюрьмы?» И тут, следовательно, вопрос о политическом устройстве общества свелся к вопросу о влиянии существующих учреждений на нравственный облик человека.

Вот почему теперь пробуждается такой живой интерес к вопросам нравственным и почему я решился потолковать с вами об этике, т. е. об основах и происхождении нравственных понятий в человеке.

За последнее время появилось немало работ по этому чрезвычайно важному вопросу. Но из них я подробно остановился только на одной, а именно на лекции, недавно прочитанной известным профессором дарвинистом Гексли (Huxley) в Оксфордском университете, на тему «Эволюция и нравственность». Познакомившись с нею, можно многому научиться, так как

Гексли в своей лекции разобрал достаточно полно вопрос о происхождении нравственного¹.

Лекция Гексли была принята печатью как своего рода манифест дарвинистов и как сводка того, что современная наука может сказать об основах нравственности и их происхождении, — вопрос, над которым работали почти все мыслители со времен Древней Греции вплоть до нашего поколения.

Особое значение придавало этой лекции только то, что она выражала мнение известного ученого и одного из главных истолкователей Дарвиновой теории развития (эволюции), причем автор придал своей лекции такую прекрасную литературную форму, что об ней отозвались как об одном из лучших произведений британской прозы. Главное ее значение было в том, что она, к сожалению, выражала мысли, так широко распространенные теперь среди образованных классов, что их можно назвать религией большинства этих классов.

Руководящая мысль Гексли, к которой он постоянно возвращался в своей лекции, была следующая. В мире, говорил он, совершается два разряда явлений, происходят два процесса: космический процесс природы и этический, нравственный, процесс, проявляющийся только в человеке с известного момента его развития.

«Космический процесс» — это вся жизнь природы, неодушевленной и одушевленной, включающей растения, животных и человека. Этот процесс, утверждал

¹ Лекция Гексли появилась тотчас же по прочтении ее в журнале «Nineteenth Century» в феврале 1888 года, и несколько месяцев спустя она вышла с длинными примечаниями как брошюра. Она также помещена в книге Гексли «Collected Essays», где к ней прибавлено вступление (prolegomena), и в его же Essays «Ethical and Political» в дешевом издании Mac Millan's в 1903 году. В русском переводе она появляется в «Русской мысли» 1893 года, к сожалению, однако, без вышеупомянутых примечаний.

Гексли, не что иное, как «кровавая схватка зубами и когтями». Это «отчаянная борьба за существование, отрицающая всякие нравственные начала». «Страдание есть удел всей семьи одаренных чувствами существ — оно составляет существенную часть космического процесса». Методы борьбы за существование, свойственные тигру и обезьяне, суть подлинные, характерные черты этого процесса. Даже в человечестве — самоутверждение, бессовестный захват всего, что можно захватить, упорное держание всего того, что можно присвоить, составляющее квинтэссенцию борьбы за существование, оказались самыми подходящими способами борьбы.

Урок, получаемый нами от природы, есть, следовательно, «урок органического зла». Природу даже нельзя назвать аморальной, т. е. не знающей нравственности и не дающей никакого ответа на нравственные вопросы. Она определенно безнравственна. «Космическая природа вовсе не школа нравственности, напротив того, она — главная штаб-квартира врага всякой нравственности» (с. 27 первого издания лекции особой брошюрой). А потому из природы ни в каком случае нельзя почерпнуть указания, «отчего то, что мы называем хорошим, следует предпочесть тому, что мы называем злом» (с. 31). «Выполнение того, что с нравственной точки зрения является лучшим, — того, что мы называем добром или добродетельным, — вынуждает нас к линии поведения во всех отношениях примитивной, той линии поведения, которая ведет к успеху в космической борьбе за существование» (с. 33). Таков, по мнению Гексли, единственный урок, который человек может почерпнуть из жизни природы.

Но вот вслед за тем совершенно неожиданно — едва только люди соединились в организованные общества — у них появляется неизвестно откуда «этический процесс», безусловно противоположный всему

тому, чему их учила природа. Цель этого процесса — не выживание тех, кто может считаться наиболее приспособленными с точки зрения всех существующих условий, но тех, кто является «лучшими с нравственной точки зрения» (с. 33). Этот новый процесс неизвестного происхождения, но явившийся во всяком случае не из природы начал затем развиваться путем закона и обычаев (с. 35). Он поддерживается нашей цивилизацией, из него вырабатывается наша нравственность.

Но откуда же зародился этот нравственный процесс?

Повторять вслед за Гоббсом¹, что нравственные начала в человеке внушены законодателями, значило бы не давать никакого ответа, так как Гексли определенно утверждает, что законодатели не могли заимствовать таких мыслей из наблюдения природы: «этического процесса не было ни в дочеловеческих животных обществах, ни у первобытных людей». Из чего следует — если только Гексли прав, — что этический процесс, т. е. нравственное начало в человеке, никоим образом не могло иметь естественного происхождения. Единственным возможным объяснением его появления остается, следовательно, происхождение сверхъестественное. Если нравственные привычки — доброжелательность, дружба, взаимная поддержка, личная сдержанность в порывах и страстях и самопожертвование — никак не могли развиваться из дочеловеческого или из первобытного человеческого, стадного быта, то остается, конечно, одно: объяснять их происхождение сверхприродным, божественным внушением.

¹ Гоббс был английский мыслитель крайнего консервативного лагеря, писавший вскоре после английской революции 1639–1648 годов.

Такой вывод дарвиниста, естествоиспытателя Гексли поразил, конечно, всех знавших его как агностика, т. е. неверующего. Но такой вывод был неизбежен. Раз Гексли утверждал, что из жизни природы человек не мог ни в каком случае почерпнуть урока нравственного, то оставалось одно: признать сверхприродное происхождение нравственности. А потому Джордж Миварт, преданный католик и в то же время известный ученый-естествоиспытатель, немедленно после появления лекции Гексли в «Nineteenth Century» поместил в том же журнале статью под названием «Эволюция господина Гексли», в которой поздравлял автора лекции с возвращением к учениям церкви.

Миварт был совершенно прав. Действительно, одно из двух: или прав Гексли, утверждавший, что «этического процесса» нет в природе, или же прав был Дарвин, когда во втором своем основном труде «Происхождение человека» он признал вслед за великим Бэконом и Огюстом Контом, что у стадно живущих животных вследствие их стадной жизни так сильно развивается общественный инстинкт, что он становится самым постоянно присущим им инстинктом, до того сильным, что он берет даже верх над инстинктом самосохранения¹. А так как Дарвин показал затем, вслед за Шафтсбери², что этот инстинкт одинаково силен и в первобытном человеке, у которого он все больше развивался благодаря дару

¹ Инстинктом принято называть привычки, до того утвердившиеся в животных или в человеке, что эти привычки наследуются. Так, например, цыплята, вылупляющиеся из яиц при искусственном их высиживании в тепле, без матки, как только вылупятся из скорлупы, начинают рыть лапками землю, как все куры и петухи.

² Английский мыслитель, писавший о сущности нравственности; родился в 1671 году, умер в 1713 году.

слова, преданию и создававшимся обычаям, то ясно, что если эта точка зрения верна, тогда нравственное начало в человеке есть не что иное, как дальнейшее развитие инстинкта общительности, свойственного почти всем живым существам и наблюдаемого во всей живой природе.

В человеке с развитием разума, знаний и соответственных обычаев этот инстинкт все более и более развивался; а затем дар речи и впоследствии искусство и письменность должны были сильно помочь человеку накапливать житейскую опытность и все дальше развивать обычаи взаимопомощи и солидарности, т. е. взаимной зависимости всех членов общества. Таким образом, становится понятным, откуда в человеке появилось чувство долга, которому Кант посвятил чудные строки, но, пробившись над этим вопросом несколько лет, не мог найти ему естественного объяснения.

Так объяснил нравственное чувство Дарвин — человек, близко знакомый с природой. Но конечно, если, изучая мир животных лишь по образцам их в музеях, мы закроем глаза на истинную жизнь природы и опишем ее согласно нашему мрачному настроению, тогда нам действительно останется одно: искать объяснения нравственного чувства в каких-нибудь таинственных силах.

В такое положение действительно поставил себя Гексли. Но — как это ни странно — уже через несколько недель после прочтения своей лекции, издавая ее брошюрой, он прибавил к ней ряд примечаний, из которых одно совершенно уничтожило всю ее основную мысль о двух «процессах» — природном и нравственном, — противоположных друг другу. В этом примечании он признал, что во взаимной помощи, которая практикуется в животных обществах, уже можно наблюдать в природе начало того

самого «этического процесса», которого присутствие он так страстно отрицал в своей лекции.

Каким путем пришел Гексли к тому, чтобы сделать такое прибавление, безусловно опровергавшее самую сущность того, что он проповедовал за несколько недель перед тем, — мы не знаем. Можно предполагать только, что это было сделано под влиянием его личного друга, оксфордского профессора Романеса, который, как известно, приготавливал в это время материал для работы по нравственности животных и под председательством которого Гексли прочел свою «романесовскую» лекцию в Оксфордском университете. Возможно также, что в том же направлении мог повлиять кто-нибудь другой из его друзей. Но разбираться в причинах такого поразительного перелома я не стану. Когда-нибудь это разберут, может быть, биографы Гексли.

Для нас же важно отметить следующее: всякий, кто возьмет на себя труд серьезно заняться вопросом о зачатках нравственного в природе, увидит, что среди животных, живущих общественной жизнью — а таких громаднейшее большинство, — жизнь общества привела их к необходимости, к развитию известных инстинктов, т. е. наследуемых привычек нравственного характера.

Без таких привычек жизнь обществом была бы невозможна. Поэтому мы находим в обществах птиц и высших млекопитающих (не говорю уже о муравьях, осах и пчелах, стоящих по своему развитию во главе класса насекомых) первые зачатки нравственных понятий. Мы находим у них привычку жить обществами, ставшую для них необходимостью, и другую привычку: не делать другим того, чего не желаешь, чтобы другие делали тебе. Очень часто мы видим у них также и самопожертвование в интересах своего общества.

В стае попугаев, если молодой попугай утащит су-чок из гнезда другого попугая, то другие нападают на него. Если ласточка по возвращении весной из Африки в наши края берет себе гнездо, которое не принадлежало ей в течение прежних лет, то другие ласточки той же местности выбрасывают ее из гнезда. Если одна стая пеликанов вторгается в район рыбной ловли другой стаи, ее прогоняют и так далее. Подобных фактов, удостоверенных еще в прошлом веке великими основателями описательной зоологии, а потом и многими современными наблюдателями, можно представить любое количество. Не знают их только те зоологи, которые никогда не работали в вольной природе!¹

Поэтому можно сказать вполне утвердительно, что нравы общительности и взаимной поддержки вырабатывались еще в животном мире и что первобытный человек уже прекрасно знал эту черту жизни животных, как это видно из преданий и верований самых первобытных народов². Теперь же, изучая уцелевшие еще первобытные человеческие общества, мы находим, что в них продолжают развиваться те же нравы общительности. Мало того, по мере изучения мы открываем у них целый ряд обычаев и нравов, обуздывающих своеволие личности и устанавливающих начало равноправия.

В сущности, равноправие составляет самую основу родового быта. Например, если кто-нибудь в драке пролил кровь другого члена своего рода, то его кровь должна быть пролита в том же самом количестве. Если он ранил кого-нибудь в своем или чужом роде, то лю-

¹ См. об этом мою книгу «Взаимная помощь как деятельная сила развития», где указаны также источники.

² Этому вопросу о заимствовании первобытным человеком нравственных правил у животных я посвятил несколько страниц в статье «Нравственность в природе» в журнале «Nineteenth Century». Март 1905 года.

бой из родственников раненого имеет право и даже обязан нанести обидчику или любому из его сородичей рану точно такого же размера. Библейское правило «Око за око, зуб за зуб, рана за рану и жизнь за жизнь, но не больше» остается правилом, свято соблюдаемым до сих пор у всех народов, живущих еще в родовом быте. Глаз за зуб или смертельная рана за поверхностную шли бы вразрез с ходячим представлением о равноправии и справедливости. Заметьте также, что это понятие так глубоко внедрено в сознание многих первобытных племен, что если охотник пролил кровь какого-нибудь, по их мнению, человекоподобного существа, как, например, медведя, то по возвращении охотника домой немного его крови проливается его сородичами во имя справедливости к медвежьему роду. Много таких обычаев осталось в виде пережитков от старых времен даже в цивилизованных обществах рядом с высокими нравственными правилами¹. Но в том же родовом быту мало-помалу разви-

¹ Конечно, с самых ранних времен уже в родовом быте начинают появляться обычаи, нарушающие равноправие. Знахарь-шаман, прорицатель и военный начальник приобретают в роде такое влияние, что мало-помалу (особенно путем тайных обществ) создаются *классы* волхвов, жрецов, шаманов, воителей, приобретающие особое, привилегированное положение в роде. Затем, по мере того как начали создаваться в роде *особые семьи*, где жена добывалась пленением из другого рода во время междуродовых войн, а впоследствии «умыканьем», т. е. похищением, по мере развития этого нового учреждения в роде создавалось неравенство, дававшее отдельным семьям уже не случайное, а постоянное превосходство над другими. Но и тут все время род употребляет и употребляет до сих пор всякие усилия, чтобы ограничить неравенство; и мы видим, например, у норманнов, что военный предводитель (король), убивший своего дружинника, подвергался тому же наказанию, что и простой дружинник, т. е. он должен был выпрашивать себе прощение у семьи убитого; и если она прощала его, то он уплачивал обычную виру. (Подробнее о таких обычаях см. в моем труде «Взаимная помощь».)

вается и другое понятие. Человек, нанесший обиду, уже обязан искать примирения, и его сородичи обязаны выступить примирителями.

Если ближе рассмотреть эти первобытные представления о справедливости, т. е. о равноправии, мы увидим, что в конце концов они выражают не что иное, как обязанность никогда не обращаться с человеком своего рода так, как не желаешь, чтобы обращались с тобой, т. е. именно то, что составляет первое основное начало всей нравственности и всей науки о нравственном, т. е. этики.

Но этого мало. Среди самых первобытных представителей человечества мы уже находим и более высокое начало. Так, например, мы можем взять нравственные правила алеутов, которые представляют ветвь одного из самых первобытных племен, эскимосов. Они хорошо известны нам благодаря работе замечательного человека, миссионера Вениаминова¹, и мы можем считать эти правила образцом нравственных понятий человека во времена послеледникового периода; тем более что подобные же правила мы находим и у других таких же первобытных дикарей. Между тем в этих правилах уже есть нечто, выходящее за пределы простой справедливости.

Действительно, у алеутов имеются два рода правил: обязательные предписанья и простые советы. Первый разряд, как и те правила, о которых я упоминал в начале этой лекции, основан на начале равного со всем обращения, т. е. справедливости-равноправия. Сюда принадлежат такие требования: ни под каким предлогом не убивать и не ранить члена своего рода; обязанность всячески помогать своему сородичу в нужде и делить с ним последний кусок пищи; защи-

¹ Впоследствии митрополита Московского Иннокентия.

щать его от всяких нападений; относиться с уважением к богам своего рода и т. д. Эти правила даже не считаются нужным запоминать; они составляют основу родовой жизни.

Но рядом с этими строгими законами существуют у алеутов и эскимосов известные нравственные понятия, которые не предписываются, а только советуются. Они не выражаются формулой «следует делать то-то», греческая формула «дэн», т. е. это должно быть сделано, также не подходит сюда. В этот разряд входят советы, и алеут говорит: «стыдно не делать то-то и то-то».

Стыдно, например, не быть достаточно сильным и ослабеть во время экспедиции, когда все члены ее более или менее голодают.

Стыдно бояться выходить в море при сильном ветре или опрокинуться в лодке в гавани; другими словами, стыдно быть трусом, а также не быть ловким и не уметь бороться с бурей.

Стыдно, будучи на охоте с товарищем, не предложить ему лучшую часть добычи; другими словами, выказать жадность.

Стыдно ласкать свою жену в присутствии посторонних; и очень стыдно при обмене товарами самому назначать цену своему товару. Честный продавец соглашается с ценой, которую предлагает покупатель, — таково, по крайней мере, было общее правило не только среди алеутов в Аляске и чукчей в северо-восточной Сибири, но также и среди большинства туземцев на островах Великого океана.

Что алеуты хотят сказать словами: «Стыдно не быть сильным, ловким, щедрым, как другие» — совершенно ясно. Они хотят сказать: «Стыдно быть слабым, т. е. не быть умственно и физически равным большинству других». Другими словами, они осуждают тех, кто не

отвечает принципу желательного равенства или, по крайней мере, желательной равноценности всех мужчин данного племени. «Не выказывай слабости, которая потребует для тебя снисхождения».

Те же желанья выражаются и в песнях, которые эскимосские женщины каждого маленького поселения поют в долгие северные ночи, высмеивая мужчину, не сумевшего показать себя на должной высоте в вышеописанных случаях или же пришедшего в ярость без достаточного к тому повода и вообще выказавшего себя неуживчивым или смешным с какой-либо стороны¹.

Таким образом, мы видим, что в прибавку к простым принципам справедливости, которые суть не что иное, как выражение равенства или равноправия, алеты выставляют еще известные пожеланья, известные идеалы. Они выражают желанье, чтобы все члены рода стремились быть равными сильнейшему из них, умнейшему, наименее сварливому, наиболее щедрому. И эти линии поведения, которые еще не возводятся в правило, представляют уже нечто, стоящее выше простого равноправия. Они обнаруживают стремление к нравственному совершенствованию. И эту черту мы встречаем безусловно у всех первобытных народов. Они знают, что у общительных животных более сильные самцы бросаются на защиту своих самок и детенышей, нередко жертвуя собой; и они восхваляют в своих сказках и песнях тех из своей среды, кто в борьбе с природой или с врагами также защищал своих, нередко погибая в этом подвиге. Они слагают целые циклы песен про тех, кто проявлял избыток сил —

¹ См. об этом отчет датской экспедиции, зимовавшей на восточном берегу Гренландии в 1886 году, в труде доктора Ранке об эскимосах.